

РЕЦЕНЗИЯ

Г.В. Глазырина

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО СПОСОБОВ КОММУНИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Along the Oral-Written Continuum. Types of Texts, Relations and Their Implications / Ed. by Slavica Ranković with Leidulf Melve and Else Mundal. Turnhout: Brepols Publishers, 2010. 488 pp. (Utrecht studies in medieval literacy. Vol. 20). ISBN 978-2-503-53407-7

Рецензируемый сборник статей «Об устно-письменном континууме. Типы текстов, взаимосвязи и их смысл» (под общей редакцией Славики Ранкович¹, Лейдольфа Мелве и Эльсе Мундаль) подготовлен по материалам научной конференции, которая в 2007 г. была проведена в университете норвежского города Берген. Книга посвящена проблеме коммуникации, а именно тому ее аспекту, который в последние десятилетия стал весьма популярен в международной науке, — переходу от устного способа передачи информации к письменному. Исследуя проблему взаимодействия разных форм сохранения, представления и передачи информации на материале средневековых источников, авторы опубликованных в сборнике статей (как следует уже из его заглавия) уделяют особое внимание не замене одной формы коммуникации другой, но, скорее, отдельным конкретным моментам этого историко-культурного процесса, наиболее ярко отражающим взаимопереплетение устного и письменного.

Статьи, составляющие первую из трех частей книги, озаглавленную «Осмысливая понятие “континуум”» («Conceptualising the Continuum»), носят, главным образом, теоретический характер и предоставляют читателю довольно редкую возможность стать свидетелем того, как в научном поиске ученые вырабатывают новый

* Работа написана по проекту РФФИ № 12-06-00210а.

¹ Сборник предваряет обширное введение, написанное С. Ранкович, которое позволяет составить общее представление о проблематике, исследуемой в данном томе, а также кратко излагает содержание вошедших в него работ. См.: *Ranković S. Introduction // Along the Oral-Written Continuum. Types of Texts, Relations and Their Implications / Ed. by Slavica Ranković with Leidulf Melve and Else Mundal. Turnhout, 2010. (Далее: AOWC). P. 1–13.*

понятийный аппарат и терминологию для своих исследований. Раздел открывается статьей Дж.М. Фоули², в которой отмечается явная недостаточность и даже обманчивость традиционной оппозиции «устный» — «письменный», уже давно ставшая важнейшим принципом классификации текстов. Дж.М. Фоули выделяет признаки, существенные при анализе любого текста: происхождение, исполнение и способ восприятия. Их сочетание, считает исследователь, позволяет выделить четыре категории текстов: для устного исполнения (тексты, предназначенные исключительно для восприятия на слух), озвученные тексты (тексты, созданные как письменные произведения, но предназначенные для устного исполнения и восприятия на слух), голоса из прошлого (тексты, при создании которых авторы обращались как к фонду устных сказаний, так и к записанным произведениям) и письменная устная традиция (к которой Дж.М. Фоули относит, в частности, произведения нового времени, написанные на основе знакомства с ранней устной традицией и с учетом ее художественной системы). Текст рассматривается им как средство, помогающее донести определенное содержание до реципиента. Чтобы подчеркнуть множественность связей, возникающих в процессе бытования отдельного произведения и оказывающих на него воздействие, Дж.М. Фоули вводит термин «Agora» («агора; рыночное место, площадь»), метафорический характер которого позволяет через известный образ передать все разнообразие и непредсказуемость коммуникаций и сопутствующих им влияний на конкретный текст. Анализируя все способы вербальной коммуникации, к настоящему времени получившие развитие в человеческом обществе, автор выделяет три сферы — устную (обозначенную им как «oAgora»), текстовую («tAgora») и электронную («eAgora»). Он исследует множественность возможных контактов, выполнявших различные социальные функции и осуществлявшихся как в рамках каждой из сфер, так и за ее пределами. Автор показывает, что, к примеру, понятие «устный» применимо к множеству разновидностей текстов, различающихся по своим источникам, композиционным принципам, способам передачи и воспроизведения текстов, осуществляющих либо не осуществляющих контакты с письменной средой, которые могут предназначаться исключительно для устного исполнения или быть зафиксированными на носителе для последующего чтения вслух.

² *Foley J.M. Verbal Marketplaces and the Oral-Literate Continuum // AOWC. P. 17–37.*

При изучении древних текстов в рамках оппозиции, ограниченной понятиями «устный» — «письменный», отмечает С. Ранкович³, возникает опасность их недостаточной и даже неверной оценки. Хронологически вначале появляются устные, и лишь спустя много времени создаются письменные тексты, что привычно связывается с этапами исторической эволюции, в ходе которой более поздний этап почти всегда оценивается как более прогрессивный, нежели предыдущий. С. Ранкович ставит вопрос о том, насколько плодотворен подход к континууму как к одномерному феномену, прогрессивно развивающемуся лишь во времени, и отмечает, что имело место взаимовлияние устного и письменного. Автор анализирует и обсуждает содержание концепта «континуум», важнейшего понятия, впервые введенного Р. Финнеган еще в 90-х гг. прошлого века и основательно разработанного в наши дни⁴, которое находится в центре внимания в данном сборнике⁵. С. Ранкович предлагает свою модель континуума как эстетического пространства (ср. роль пространства в «агоре» Дж.М. Фули). Важнейшим «измерением» в предлагаемой модели она считает зависимость текста от среды, в которой он создавался. При этом понятие «среда» («medium») трактуется ею расширительно: сюда включается множество внетекстовых факторов, которые могли оказывать влияние в процессе создания и исполнения произведения (от использования определенных мнемонических приемов и применения пишущих средств, писчих материалов до вокализации текста в процессе диктовки при его записи). Два других показателя — поэтика текста, присущая устной либо письменной коммуникации, и гетероглоссия, которая, согласно М. Бахтину, заключается в возможности передавать в рамках одного текста различные дискурсивные варианты, происхождение которых, в конечном счете, обусловлено социальным контекстом возникновения и обращения данного текста. Наглядные пояснения, демонстрирующие сложные взаимодействия трех факторов — среды, поэтики текста и гетероглоссии, — приведены в нескольких рисунках и диаграммах.

³ Ranković S. The Oral-Literate Continuum as a Space // AOWC. P. 39–71.

⁴ Finnegan R. The How of Literature // Oral Tradition. 2005. Vol. 20. No 2. P. 164–187 <<http://journal.oraltradition.org/issues/20ii/finnegan>>. См. также: *Idem*. Literacy and Orality: Studies in the Technology of Communication. Oxford, 1988; *Idem*. Oral Traditions and Verbal Arts: A Guide to Research Practices. Routledge, 1992.

⁵ Ranković S. The Oral-Literate Continuum as a Space. P. 40–45. Заметим, что, возможно, было бы целесообразно подробно обсудить этот термин еще во введении к тому, где С. Ранкович ограничилась лишь упоминанием о нем. См.: Ranković S. Introduction. P. 1

По мысли С. Ранкович, использование вводимой ею модели, учитывающей как внешние, так и собственные (художественные, жанровые) признаки текста, ведет к большей объективности, выводит исследование за пределы стереотипных категорий устности и письменности, выявляет новые коммуникативные связи.

Успешным опытом разработки теоретической модели и ее применения к памятникам одного жанра является статья Л. Мелве⁶ — третья и последняя статья первого раздела книги, — в которой континуум рассматривается в связи с процессом «текстуализации»⁷ средневекового общества, проявившейся в увеличении числа записанных текстов и повышении их значения в повседневной жизни. Материалом для исследования в этой статье являются средневековые публичные диспуты, которые велись в Англии в XI–XIII вв.: а) «Спор об инвеституре» (The Investiture controversy, ок. 1030–1122 гг.) — первое открытое противостояние церковной и светской власти, б) «Противостояние Беккета» (The Becket controversy, 1163–1170 гг.) — спор Томаса Беккета, архиепископа Кентерберийского, с английским королем Генрихом II, в) спор, сопровождавший восстание баронов (The Baronial Rebellion, ок. 1258) против короля Генриха III. Л. Мелве выделяет несколько ключевых информативных признаков изучаемых им текстов: восприятие на слух (так наз. ауральная форма коммуникации); целенаправленность исполнения (или перформативность в процессе коммуникации); практическое использование, — и дополняет их переменными характеристиками, относящимися к устным и письменным свойствам континуума. Располагая трактаты и другие полемические сочинения в зависимости от сочетания признаков, автор выявляет тенденцию к изменению формы диспутов от закрытого, элитарного спора, ведшегося предпочтительно на латыни, к более открытому обсуждению, при котором начинает появляться (а иногда уже очень заметен) национальный компонент. Меняется и суть приводимых в спорах аргументов — критические замечания сменяются убеждающими примерами.

Во вторую часть сборника, озаглавленную «Устные тексты и текстовые исполнения: вербальное искусство в континууме» («Oral

⁶ Melve L. Mapping Public Debates along the Oral-Literate Continuum (1000–1300) // AOWC. P. 73–100.

⁷ Данный термин был впервые введен и обоснован В. Онгом (Ong W. Literacy, and Medieval Textualization // New Literary History. 1984. Vol. I. P. 1–12).

Texts and Textual Performances: Verbal Art along the Continuum»), вынесено десять статей. Раздел открывается интересным блоком из работ, посвященных текстам коммеморативного характера. Дж. Джеш⁸ анализирует поэзию исландского скальда XI в. Сигвата Тордарсона, в частности те стихи, которые были написаны после смерти его патрона и друга конунга Олава Харальдссона, погибшего в битве при Стиккластадире в 1030 г. В выражающих подлинное личное горе висах Сигват дает ретроспективу великих битв и побед, одержанных Олавом. На взгляд Дж. Джеш, расположение материала в этих сочиненных и исполнявшихся в устной форме стихах аналогично тому, как историки и анналисты организуют свои записи в соответствии с хронологией описываемых событий. Включенные же в стихи Сигвата рекомендации, адресованные наследнику Олава Магнусу, также устанавливают связи между прошлым, настоящим и будущим. Влиянием письменного текста можно объяснить как явную тенденцию прославления в стихах отдельных поступков Олава, которые послужат основанием для подтверждения святости конунга в написанных вскоре после его смерти житиях, так и использование Сигватом инновационной терминологии, подобной той, которая с распространением христианства в Скандинавии все больше закреплялась в письменной литературе.

Такие характеристики, как сопоставимость языкового дискурса, специальной терминологии и прагматики высказывания, позволили Дж. Харрису объединить в своем исследовании⁹ жанры, являющиеся двумя (из множества других) способами сохранения памяти об умерших: поминальную скальдическую поэзию («*erfíkvaði*») и рунические надписи. Оба вида текстов — скальдика и эпитафическая — публично представляют избранные, общественно значимые факты биографии или ухода из жизни того индивида, которому они посвящены, хотя, без сомнения, отражают личные переживания — членов семьи, наследников, заказчиков. Дж. Харрис находит сходство между двумя жанрами, которое проявляется в содержании текстов, поэтике и функционировании этих двух форм, что, на взгляд автора, отчасти объясняется их взаимовлиянием. Общий для обоих жанров ритуально-коммеморативный контекст нивелирует различия в спосо-

⁸ *Jesch J.* The Once and Future King: History and Memory in Sigvatr's Poetry on Óláfr Haraldsson // AOWC. P. 103–117.

⁹ *Harris J.* Old Norse Memorial Discourse between Orality and Literacy // AOWC. P. 119–133.

бах существования поминальной скальдики и рунической эпитафии: в первом случае — устную трансмиссию стиха, закрепленного устойчивой формой, во втором — монументальную медиальность рунических камней.

В статье К. Цильмер¹⁰, посвященной исследованию рунических камней как культурного феномена в контексте соотношения устного и письменного, особое внимание уделено коммуникативному аспекту этой проблемы. С одной стороны, как и Дж. Харрис, К. Цильмер указывает на монументальность как важнейшую особенность этих памятников, которая позволяет длительное время хранить память об упомянутых в них лицах. С другой стороны, автор отмечает возможность выявить и ритуальные основы традиции возведения мемориальных камней, которые, на ее взгляд, прослеживаются в тех случаях, когда монументы по-прежнему находятся в своей естественной среде (т. е. не были перенесены с первоначального места их установки). Рассматривая рунические надписи как особый способ сохранения памяти в вербализованных посланиях, К. Цильмер допускает, что формульные фразы, традиционно воспроизводимые в надписях, характерные эпитеты и устойчивые мотивы отражают элементы устной поминальной поэзии. В статье отмечается определенная двойственность восприятия самих рунических камней и имеющих на них надписей, когда, в зависимости от ряда условий (например, от опыта читающего руны индивида, от ситуации, и др.), могут устанавливаться связи различного характера — от публичных, связанных с восприятием текста коллективом, до индивидуальных, личных, воспроизводящих отношение членов семьи, заказчиков памятника, мастера-резчика. Эти и другие теоретические положения К. Цильмер удачно развивает при анализе нескольких конкретных примеров и доказывает, что между различными способами выражения, которые наличествуют на каждом камне — физическими свойствами камня и ландшафтом, где он воздвигнут, нанесенными на нем изображением и надписью, — существует взаимосвязь.

Статьи Дж. Джеш, Дж. Харриса и К. Цильмер образуют удивительно гармоничный и удачный семантический блок, позволяющий заглянуть в практически недоступную для нас область мышления и чувств человека средневековья, увидеть особенности некоторых из средств сбережения памяти об ушедших людях.

¹⁰ *Zilmer K. Viking Age Rune Stones in Scandinavia: The Interplay between Oral Monumentality and Commemorative Literacy // AOWC. P. 135–162.*

Следующие три статьи сборника посвящены поэтическому искусству исландцев. Нарушая последовательность их расположения в книге, рассмотрим сначала статью Вестейнна Оуласона¹¹ как более общую по содержанию. Его материал — вошедшее в знаменитую исландскую рукопись «Codex Regius» (GKS 2365 4to) собрание мифологической и героической поэзии, составленное, по палеографическим оценкам, в 1270–1280-х гг.¹² Разделяя единодушное мнение исследователей о том, что в основе кодекса лежали более ранние записи отдельных поэм или их групп, Вестейнн Оуласон ставит задачу обсудить, в какой степени отдельные тексты, имеющие, безусловно, устное происхождение, и все собрание текстов данного кодекса в целом проявляют следы работы его составителя. В подробном историографическом обзоре автор привлекает внимание читателя к различным этапам изучения рукописи, которые важны для понимания происхождения эддической поэзии и особенностей формирования этого уникального собрания текстов. Анализируя состав и композицию кодекса, язык и особенности стиля поэм, Вестейнн Оуласон показывает, что некоторые поэмы и сопровождающие их прозаические пассажи получили свое место в собрании лишь при записи. Он также вносит ясность в вопрос о времени создания отдельных песней «Старшей Эдды», удвояя одни из них и предлагая более позднюю дату для других. Автор подчеркивает, что при изучении эддической поэзии необходимо учитывать литературный контекст времени их записи и рассматривать данное собрание текстов как результат взаимодействия между устным и письменным способами выражения.

В статье Дж. Куин¹³ анализируются нередко встречающиеся в древнескандинавской мифологической и эддической поэзии метафорические сравнения знания, памяти (и, напротив, забывчивости, как и других ментальных состояний) с жидкостью. Словосочетание, вошедшее в заглавие статьи, — «liquid knowledge» «текущее знание, “жидкое” знание», — образно выражает процесс передачи информации, знаний и опыта в дописьменных культурах (универсальность данного образа подчеркивается его распространенностью в разных культурах: вспомним, что и в русском языке имеется целый ряд вы-

¹¹ *Vésteinn Ólason*. The Poetic Edda: Literature or Folklore? // AOWC. P. 227–252.

¹² *Einar Gunnar Pétursson*. Codex Regius // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. Ph. Pulsiano et al. New York; London, 1993. P. 100.

¹³ *Quinn J.* Liquid Knowledge. Traditional Conceptualisations of Learning in Eddic Poetry // AOWC. P. 183–226.

ражений с аналогичной семантикой: «почерпнуть знания», «глубокие/поверхностные знания», «жажда знаний», «источник мудрости», «испить до дна», «переполненная чаша терпения», «нахлынувшие воспоминания» и др.). По мнению Дж. Куин, широкое распространение данной метафоры в сохранившихся памятниках, безусловно, свидетельствует об устных истоках культуры, породившей те сказания, в которые введены подобные образы. Метафора отражает ранние представления о мифологическом либо божественном происхождении определенных способностей человека, которыми наделяются лишь избранные, чьи интеллектуальные возможности усиливаются благодаря воздействию магических трансформирующих жидкостей и напитков.

Другой вид древнеисландской поэзии — хулительные стихи — исследует Б. Торвальдсен¹⁴. В центре его внимания находятся древнескандинавские проклятия, которые, как показывает автор, весьма неоднородны. Сохранившиеся в нескольких эддических песнях (в «Речах Гримнира», «Речах Скирнира» и др.), они в значительной мере были сформированы устной традицией и сохраняют присущие ей черты. В «Саге о Боси и Херрауде» (одной из исландских саг о древних временах), напротив, четко выявляется «литературная» функция проклятия как мотива, который участвует в развитии сюжета произведения. Проклятия сопоставляются Б. Торвальдсеном с материалом, отразившимся в сходных жанрах: ниде (*níð* — форма ритуализированного оскорбления), сенне (*senna* — перебранка, поношение в форме диалога), сравнении людей (*mannjafnaðr*)¹⁵. Хулительная поэзия, считали древние исландцы, обладала особой силой и являлась формой темной магии. О недопустимости использования некоторых жанров, в частности нида, говорится в древнейшем судебнике Исландии «Серый Гусь»¹⁶. Б. Торвальдсен убедительно показывает, что исследуемые им поэтические формы выполняли конкретную социальную функцию, заключающуюся в попытке обо-

¹⁴ Thorvaldsen B.Ø. The Poetic Curse and Its Relatives // AOWC. P. 253–267.

¹⁵ На русском языке эти виды хулительной поэзии рассмотрены в работе: Матюшина И.Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М., 2011. Специально о ниде см.: Она же. Магия слова. Скальдические хулительные стихи и любовная поэзия. М., 1994. С. 7–49; Она же. Хулительные стихи: нид // Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 447–497.

¹⁶ Laws of Early Iceland: Grágás. The Codex Regius of Grágás with Material from Other Manuscript / Tr. by A. Dennis, P. Foote, R. Perkins. Winnipeg, 1980. Vol. 1. P. 39.

собления порицаемого человека от коллектива и последующей изоляции его от общества.

Принципиально иные источники — христианские тексты, написанные на латинском языке, — анализируются в двух статьях второго раздела. О. Уммундсен¹⁷ исследует четыре редакции легенды о св. Хальварде, небесном покровителе Осло, сложившиеся между 1150 и 1250 гг.¹⁸ (на норвежском языке легенда не сохранилась). Эти редакции, отразившие устные варианты сказания о средневековом мученике¹⁹ и совершенных им чудесах, интересны своими различиями (например, в них по-разному указано происхождение героя), составом композиционных элементов (число «уроков» могло быть от трех до девяти) и различающимся общим содержанием (зафиксированная в столице Норвегии редакция легенды о ее святом патроне оказалась существенно более пространной, чем варианты, читавшиеся в других регионах страны, где день почитания св. Хальварда был лишь малым церковным праздником и литургия могла быть сокращена). Изменения, таким образом, вносились в зависимости от нужд литургической практики и региональных особенностей. Об открытости текста легенды о св. Хальварде и многократной ее переработке, показывает О. Умундсен, свидетельствует тот факт, что в ее вариантах нашли отражение изменения в законодательной практике Норвегии. Это лишний раз подтверждает укрепившееся у современных исследователей мнение о динамическом характере средневековой письменной культуры, гибко реагировавшей на происходившие в обществе актуальные изменения.

Л. Долежалова²⁰ строит свое исследование на материале двух латинских текстов. Один из них — «Пир Киприана» («Cena Cypriani») ²¹, выполненное в 70-х гг. IX в. римским диаконом Иоанном стихотворное переложение произведения, написанного еще в IV в. Необычный характер данного сочинения, описывающего пир, где собрались многие персонажи Ветхого и Нового Завета, породил

¹⁷ *Ommundsen A.* A Text in Flux: St Hallvard's Legend and Its Redactions // AOWC. P. 269–290.

¹⁸ *Ibid.* P. 289.

¹⁹ Согласно исландским анналам, Халльвард был убит 15 мая 1043 г. (*Islandske Annaler indtil 1578* / Udg. G. Storm. Christiania, 1888. Bls. 17, 108, 250, 469; 15 мая 1042 г. (*Ibid.* P. 58)).

²⁰ *Doležalová L.* The Charm and Difficulty of a Fragment: Tracing Orality in *Cena Cypriani* and *Summarium Biblie* // AOWC. P. 291–310.

²¹ Перевод на русский язык в кн.: *Поэзия вагантов* / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1975. С. 355–365. Комментарий. С. 586–590.

разнообразные и весьма неоднозначные интерпретации, согласно которым его можно трактовать как пародию, как дидактическое и даже как «развлекательное педагогическое пособие, облегчающее ученикам монастырских школ запоминание священной истории»²². Л. Долежалова склоняется к мысли, что содержание «Пира Киприана», подобное загадке, при исполнении могло сопровождаться устными разъяснениями, и затрудняется точнее определить его устный или литературный контекст. Другое рассматриваемое ею сочинение — малоизученный латинский текст «Краткое изложение Библии» («*Summarium Biblie*»), приписываемый Александру де Вилла Деи, известному своей поэтической латинской грамматикой (ок. 1209 г.). Крайний лаконизм пересказа, по мнению Л. Долежаловой, предполагает, что его читатель, уже предварительно основательно ознакомившийся с Библией, будет использовать его в качестве мнемонического инструмента (возможно, в школьной практике?) при устных пересказах содержания книг Библии. Именно об этом, на ее взгляд, свидетельствуют появляющиеся в ряде рукописей памятника глоссы, заголовки и краткие прологи, сопровождающие текст.

Более общие вопросы взаимодействия устного и письменного способов коммуникации поставлены в статьях Э. Мундаль и Ю. Глойзера. Э. Мундаль²³ дает оценку культурной ситуации, которая сложилась в древнескандинавском обществе с приходом христианства и письменности, привнесших новые жанры (литургические тексты, проповеди, агиографию, ученые сочинения, хроники и др.) и отличные от ранее бытовавших в устной традиции литературные мотивы и образы. При этом, отмечает Э. Мундаль, хотя письменность стала достоянием лишь крайне ограниченного круга людей, устный способ донесения информации, продолжая существовать, вынужден был приспособливаться к новым условиям. В частности, как острая реакция на введение христианства произошла утрата некоторых жанров (скорбных плачей, ритуальной поэзии), связанных с языческими практиками. Многие устные формы хранения, передачи и воспроизведения информации сменяются письменными: кодифицируются законы, древнейшие записи которых были в Норвегии сделаны при конунге Олаве Святом (ум. в 1030 г.), а в Исландии осуществлены зимой 1117—1118 гг.; в XII в. начинается историо-

²² Поэзия вагантов. С. 586.

²³ *Mundal E.* How Did the Arrival of Writing Influence Old Norse Oral Culture // AOWC. P. 163–181.

писание (Ари Мудрый и Сэмунд Мудрый) и создаются сначала королевские саги, а затем и другие виды саг; фиксируется в письменности скальдическая поэзия. Э. Мундаль задается вопросом, изменилась ли вследствие распространения письменности практика публичного исполнения текстов традиционных жанров, поскольку появляется возможность воспринимать текст, читая его «про себя», не вокализируя его. Близость чтения вслух (даже при условии, что текст воспроизводился дословно, а не импровизировался) к устному публичному исполнению текстов, считает Э. Мундаль, делала эту форму предпочтительной. Проведенный автором статьи анализ нескольких описаний того, как в Исландии в XIII в. читались вслух произведения разных жанров, показал, что наряду с чтением дословным, существовал и метод выборочного чтения, фактически — сокращенного пересказа содержания произведения. В то же время в условиях, когда грамотностью владел еще ограниченный круг людей, не только содержание текста имело значение, но и ожидания слушающей аудитории относительно его исполнения, т. е. перформативная составляющая устного воспроизведения играла важнейшую роль. В зависимости от вида текста — религиозного, светского, ученого и др. — роль и степень вовлечения элементов исполнения, естественно, варьировалась. С различными прагматическими задачами — для чтения текста вслух (литургические тексты), для тщательного изучения записанных материалов (ученая литература), в качестве тезисов для устного рассказа (саги) или депозитария важной информации (законы) — может быть связано, считает Э. Мундаль, и обращение в Исландии рукописей разного вида и формата. Какая-то их часть могла предназначаться для использования при устном исполнении текста: для чтеца было необходимо иметь под рукой письменный текст, помогающий импровизировать, где было бы кратко изложено основное содержание произведения (вывод, который переключается с результатом исследования «Краткого изложения Библии» Л. Долежаловой). Для исландской средневековой культуры, заключает автор, характерно сложное и длительное переплетение устной и письменной форм коммуникации, дополняющих друг друга, каждая из которых имела также свои собственные сферы употребления.

В статье Ю. Глойзера²⁴ исследуется осознание процесса письма и его отличия от устного творчества, отразившееся в паратексто-

²⁴ *Glaser J. Staging the Text: On the Development of a Consciousness of Writing in the Norwegian and Icelandic Literature in the Middle Ages // AOWC. P. 311–334.*

вых элементах (в частности, введениях и эпилогах) исландских сочинений разного времени — от «Книги об исландцах» Ари Мудрого (ок. 1123 г.) до переводных рыцарских саг XIV в., что уже ранее становилось объектом специального изучения в монографии Сверрира Томассона и статье М. Куршманна²⁵, однако предложенный Ю. Глойзером аспект анализа нов и интересен. Приводимые Ю. Глойзером примеры свидетельствуют о постепенном расширении круга лексики, характеризующей процесс письма («писать», «записывать», «переводить», «излагать», «создавать», «слагать» и др.), а также терминов, содержащих определение письменного текста (сага, прядь, песнь, перечень, сказание, ученые знания, документ, и т.д.) и материальных форм, в которые тексты могли быть облечены (книга, книжица, листы [рукописи] и т.п.). Паратексты как источник привлекательны в первую очередь тем, что включают комментарий, результаты личных наблюдений и рефлексии авторов саг и произведений других жанров о «текучести» (используя определение, употребленное в статье Дж. Куин) памяти и несовершенстве устных форм ее сохранения в противовес закрепленному в письменности тексту. Роль паратекстов в западно-скандинавской литературной традиции особенно важна, поскольку именно в них были впервые проведены различия между устной передачей информации и письменным творчеством, между текстом и его, говоря современным языком, дискурсивным вариантом. В условиях, когда письменность становилась доминирующей средой, эти два вида коммуникационной деятельности продолжали сосуществовать во взаимозависимости, однако роль письменного текста как депозитария исторического и иного знания уже оценивалась позитивно.

В третьей части книги — «О королях и крестьянах: континуум устного и письменного и возникновение административного письма» («Of Kings and Peasants: The Orality–Literacy Continuum and the Advent of Administrative Writing») — поставлена задача рассмотреть, как письменность распространялась в разных социальных слоях населения, с акцентом, естественно, на взаимодействии устного и письменного. Хотя принято считать, что в средние века грамотность была уделом почти исключительно представителей духовенства, в двух

²⁵ *Sverrir Tómasson*. Formálar íslenskra sagnaritara á miðöldum. Reykjavík, 1988; *Curschmann M.* The Prologue of *Þiðreks saga*: Thirteenth-Century Reflections on Oral Traditional Literature // *Scandinavian Studies*. 1984. Vol. 56. P. 140–151.

статьях данного раздела эта проблема исследуется применительно к представителям правящего класса: А. Адамска²⁶ анализирует ее на примерах польского герцога из династии Пястов Пшемисла I (ум. 1257 г.) и короля Богемии и Польши Венцеслава II (ум. 1305 г.), Т.М. Андерссон²⁷ — Карла Великого (740-е — 814). Грамотность королей, описанная в этих статьях, выступает как далекий от единообразия феномен. Так, Пшемисл I охарактеризован в «Великопольской хронике» как грамотный человек, имевший обыкновение читать самому себе вслух Псалтырь на латинском языке, и этот факт был отмечен хронистом, считает А. Адамска, в частности потому, что редко кто из мирян обладал такими навыками. Характеристика Венцеслава II сохранилась в «Збраславской хронике». Не обученный грамоте король воспринимал на слух Священное писание и многое из него заучивал наизусть. Несмотря на то, что король сначала плохо владел устной латынью, благодаря ауральному восприятию книг Ветхого и Нового завета с помощью посредника, зачитывавшего перед ним текст, Венцеслав, не умея писать и читать, добился того, что стал хорошо говорить на этом языке и даже исправлял ошибки других. Эти примеры, заключает А. Адамска, показывают, что письменные тексты в рассматриваемый период времени получали жизнь только лишь тогда, «когда их читали вслух благодарной и творческой аудитории». Еще один пример из области владения средневековыми королями латынью находим в работе Т.М. Андерссона. Из множества культурных направлений Каролингского возрождения он выделяет лишь один из аспектов — языковой — и на основе фактов, приведенных Эйнхардом в «Жизни Карла Великого», анализирует то, как Карл Великий владел латинским языком, показывая переход, совершенный этим выдающимся королем, от бытовой латыни, на которой изъяснялись при дворе, к изящной, грамотной латыни Алкуина (специально изучаемой им наряду с греческим и родным языком), владение которой лишней раз подчеркивало его высокий статус. Приводимые Т.М. Андерссоном свидетельства других источников показывают, что со временем языковой пуризм из пристрастия Карла вырос до нормативного требования, предъявляемого им к письменным текстам, поступавшим в обращение.

²⁶ Adamska A. 'Audire, intelligere, memoire commendare': Attitudes of the Rulers of Medieval Central Europe towards Written Texts // AOWC. P. 337–356.

²⁷ Andersson Th. M. A Carolingian Pun and Charlemagne's Languages // AOWC. P. 357–369.

Вопрос о возникновении и функционировании в странах средневековой Европы делопроизводства, в частности документации, сопровождавшей процесс управления государством, принадлежит к числу тех, что еще недостаточно всесторонне изучены в современной историографии²⁸. В рецензируемом томе этот пробел существенно восполняется сразу в нескольких статьях. Известный норвежский историк С. Багге²⁹ исследует вопрос о роли письма в развитии государственной и церковной бюрократической системы в Норвегии. Анализируя сохранившиеся источники, С. Багге отмечает, что хотя с введением христианства в стране конунгом Олавом Трюггвасоном (ум. 1000 г.) роль письменного документа существенно возросла, первые тексты, созданные в Норвегии, датируются лишь концом XI в. Наиболее ранние письма королей сохранились от второй половины XII в. Этим же временем датируются первые образцы переписки деятелей церкви с Римом, осуществлявшейся на латинском языке, которая была наиболее интенсивной при норвежских архиепископах Эйстейне (1161–1188) и Эйрике (1189–1205); с 1170-х гг. письма, направлявшиеся в Исландию, писались на древнеисландском языке. Остановившись специально на документах делопроизводства королевской канцелярии, автор показывает, что, начиная с 1263 г., количество административных документов и писем существенно увеличивается, а устная коммуникация как способ донесения информации до королевских подданных со временем утрачивает свое значение. Исследование возросшего числа письменных документов XIV в. позволило С. Багге сделать вывод о том, что круг грамотных людей стал значительно шире и уже не ограничивался исключительно представителями администрации, королевской и церковной (о чем свидетельствует значительное число писем по различным вопросам, направленных в королевскую канцелярию). Автор рассматривает эти данные как один из признаков процесса централизации власти, проходившего в Норвегии с середины XII по начало XIV в.

Два конкретных судебных документа, один из которых — светский — был создан в Норвегии в XII в., а другой — церковный —

²⁸ Среди немногих обстоятельных работ специальный раздел, посвященный делопроизводству, главным образом, в Древней Руси и Византии, в кн.: *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus'*, с. 950–1300. Cambridge, 2002. P. 129–186. См. также краткие замечания в кн.: *Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование*. М., 2012. С. 61–63.

²⁹ *Bagge S. Administrative Literacy in Norway* // AOWC. P. 371–395.

спустя столетие, сопоставляет Я.Р. Хагланд³⁰, намереваясь выяснить, возможно ли на этих примерах проследить изменения в отношении людей к грамотности (в терминах автора — «*literate mentality*», букв. «умонастроение грамотности»). Автор вводит эти документы в широкий контекст других аналогичных памятников, что дает ему основания для вывода о достаточно высоком уровне делопроизводства учреждений, выпустивших их. В то же время в них (хотя и в разной мере) обнаруживается наследие устной культуры как в законодательной практике, на которой они основываются, так и во фразеологии. Также примечательно сделанное Я.Р. Хагландом наблюдение относительно языка, на котором велась документация: он показывает, что к концу XIII в. больше половины из сохранившихся документов было написано не на латыни, а на норвежском языке, а в позднем средневековье латинские документы практически отсутствуют. Одну из причин автор видит в том, что с переходом Норвегии под власть Дании административное управление было выведено из страны. На этих примерах Я.Р. Хагланд убедительно демонстрирует, что исследование материала такого рода должно учитывать не только текстовые характеристики, такие как содержание и композиция документа, но также и внетекстовые факторы, в частности сферу обращения документа и социальный контекст.

Роль и функции, которые выполняли лагманы в шведском обществе в XII–XIII вв., подвергнуты изучению в статье И. Ларссон³¹. То обстоятельство, что эта профессиональная группа формировалась из людей разного социального происхождения (от светской знати до свободных крестьян), объясняет, по мнению автора, их важнейшую роль в качестве посредников, осуществлявших контакт между представителями власти и церкви, с одной стороны, и основной массой населения, с другой. Рассмотрев целый ряд конкретных фактов, И. Ларссон заключает, что именно лагманам принадлежит заслуга распространения грамотности в средневековой Швеции и создания того варианта письменного национального языка, который стал использоваться в законодательной практике и в администрировании.

Мнение о том, что грамотность в средние века была привилегией социальной верхушки, а низшие слои продолжали практиковать ис-

³⁰ *Hagland J.R.* On Evaluating “the Growth of a Literate Mentality” in Late Medieval Norway // *AOWC*. P. 397–409.

³¹ *Larsson I.* The Role of the Swedish Lawman in the Spread of Lay Literacy // *AOWC*. P. 411–427.

ключительно устные формы коммуникации, оспаривается в статье Б. Поулсена³², где идет речь о «прагматической грамотности» (т. е. об использовании письма на практике в повседневной жизни) крестьян в Дании в позднем средневековье. Несмотря на безусловное преобладание устного способа передачи информации, в том числе официальной, можно говорить о том, считает автор, что к XV в. крестьяне хорошо осознавали значение написанного слова и письменных документов, закреплявших их права, обязанности и привилегии. Об этом, в частности, свидетельствует создание в некоторых деревнях и сельских общинах общего хранилища документов и приобретение крестьянами личных печатей (предполагается, что даже если крестьяне не умели читать, они все же могли найти свое имя в тексте или различить свои символы на печати). Некоторые оборотистые крестьяне овладевали навыками чтения и счета, что способствовало росту их авторитета и статуса. Развитие экономики, основанной на репутации и личных способностях к ведению дел, привело, по мнению Б. Поулсена, к повышению общего уровня грамотности.

Завершается сборник исследованием М. Мостерта³³, в котором дается обзор истории распространения письменности в Северных Нидерландах в I в. до н.э. — XIII в. н.э. Автор выделяет три этапа и приводит описание основных письменных памятников. Первый этап (с I в. до н.э. по VII в. н.э. — римский период и раннее Средневековье до принятия христианства) отличает «прагматическая грамотность», что подтверждается данными археологии. Второй этап связан с приходом и упрочением христианства (VII–XI вв.), когда «прагматическая грамотность» дополняется клерикальной и административной, однако в обороте находятся в основном тексты, написанные за пределами Фризии. На третьем этапе (XI–XIII вв.), особенно к его концу, начинается производство письменных текстов — законов, грамот, памятников историографии и агиографии, развивается сеть приходских и монастырских школ. Произошедшие изменения, считает М. Мостерт (и его вывод перекликается с выводом Я.Р. Хагланда об «умонастроении грамотности» в Норвегии в XII в.), свидетельствуют о формировании нового отношения к образованию и грамотности, при котором письменному тексту при-

³² Poulsen B. Using the Written Word in a Late Medieval Rural Society: the Case of Denmark // AOWC. P. 429–448.

³³ Mostert M. The Early History of Written Culture in the Northern Netherlands // AOWC. P. 499–488.

дается бóльшее значение, чем прежде, а письменные свидетельства приобретают приоритет над устными. Статья М. Мостерта, насыщенная малоизвестными материалами и интересными наблюдениями автора, в основном все же посвящена проблеме распространения письменности, чем несколько выбивается из общего содержания сборника и демонстрирует, насколько сложно преодолеть закрепившуюся тенденцию оценивать коммуникативную деятельность в рамках дихотомии «устный» — «письменный», даже в книге, специально посвященной этой проблеме.

Таким образом, каждая из включенных в данную книгу статей помогает лучше увидеть и понять один из множества аспектов проблемы, поставленной в данном сборнике, — выявить и показать сферы и способы взаимопроникновения устных и письменных форм коммуникации, отразившиеся в средневековых источниках. Три раздела, составляющие данный том, гармонично связаны друг с другом. В первом, теоретическом разделе, конкретизируется понятие «континуум», введенное Р. Финнеган, предлагаются различные методики его анализа. Во втором и третьем разделах этот концепт изучается на материале источников разных видов, и на этом остановимся немного подробнее. Хотя в Предисловии к книге оговаривается, что на общем культурном фоне Европы «особый акцент сделан на Скандинавии и Северной Европе»³⁴, берясь за книгу, необходимо себе четко представлять границы и протяженность этого «акцента». Так, второй раздел, посвященный исследованию памятников литературы, включает десять статей, в девяти (!) из которых, однако, анализируются древнескандинавские (главным образом древнеисландские) источники, относящиеся к разным жанрам: это — эпиграфика (рунические надписи на камнях), эддическая и скальдическая поэзия, исландские саги, агиография. Лишь одна статья Л. Долежановой о латинских христианских текстах выводит читателя в общеевропейский контекст. Сходным образом из семи статей третьего раздела, связанного с исследованием перехода от устности к письменности разных слоев населения и проблемы образования государства и функционирования административного аппарата, че-

³⁴ «[...] This book thus reflects diverse perspectives, texts and genres (literary, historical, administrative, ecclesiastical, legal, polemical, etc.) and involves a range of European cultural contexts, with special emphasis on Scandinavia and Northern Europe: from France, the Netherlands and England in the West, over Germany, Bohemia and Poland in the Centre, to Serbia and Bosnia in the Southeast» (*Ranković S.* Introduction. P. 1).

тыре относятся непосредственно к истории Скандинавских стран. В трех оставшихся статьях мы, действительно, находим точечные выходы в Центральную Европу (А. Адамски), империю Карла Великого (Т.М. Андерссон) и Фризию (М. Мостерт). Состав сборника, географическая широта охвата исследуемых материалов — это отнюдь не второстепенные аспекты составительской работы. Доминирование материалов, которые характеризуют процессы, проходившие в одном регионе, в особенности таком как Скандинавия, имевшая на фоне общеевропейской истории собственную специфику развития, неминуемо ставит вопрос о том, насколько репрезентативны результаты исследования заявленной в книге темы, а также насколько универсальны сделанные в ней выводы.

В целом же сборник характеризуется высоким профессиональным уровнем. Статьи написаны исследователями, многие из которых пользуются заслуженным признанием и авторитетом в международной медиевистике. Все работы отличает тщательный и скрупулезный источниковедческий анализ, учет новейшей историографии, использование междисциплинарных методов исследования. Необходимо также отметить прекрасную редакционную подготовку книги, проведенную С. Ранкович, Л. Мелве и Э. Мундаль, которая проявилась, в частности, в четких библиографических описаниях использованной авторами статей литературы и практически полном отсутствии опечаток.

Своим стремлением расширить изучение проблемы коммуникации, увидеть и проанализировать синтез форм, отразившихся в отдельном памятнике или жанре, противопоставить популярной у исследователей дихотомии «устный» — «письменный» концепт континуума сборник «Об устно-письменном континууме» будет интересен многим специалистам по истории, культуре и литературе Средневековья.